

№ 3

ГРАУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙЕРМАЙЕРЪ

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — в.

безъ дост. . . . 5 » — »

На полгода. . . . . 3 » 50 »

На три мѣсяца. . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Синичка. Модеста Богданова.—
II. Птичка-синичка. (Стих.). С. Дрожжина.—III. По-
варенная соль. Н. Кувшинникова.—IV. Среди при-
роды и людей. С. Лаврентьевой.

С И Н И Ч К И.

(Моему Олегу).

СКОРѢ послѣ Покрова мы переселились въ новый домикъ, построенный отцомъ, какъ разъ около стараго прадедушкина сада. По комнатамъ въ безпорядкѣ стояла мебель, лежали вещи. Въ дѣтской у насъ тоже все разбросали кое-какъ, наскоро. Весело пылали дрова въ каминѣ. Тепло разливалось по комнатамъ, усиливая ароматный запахъ сосны, которымъ отдавали стѣны. Усталый

тревогами дня, поужинавъ наскоро, я улегся въ кроватку и мигомъ заснулъ.

— Вставай, сонуля. Зима пришла, раздался надъ моимъ ухомъ голосъ отца.

Открывъ глаза, я былъ ослѣпленъ съ непривычки. И въ правду зима. Нежданная, ранняя. Весь дворъ, крыши, деревья, дрова—все было покрыто чистымъ, пушистымъ снѣжкомъ.

Деревенскому мальчику, не то что городскому, первый снѣгъ осенью, первая лужи весной—важное событіе. Деревенскій мальчикъ стоитъ ближе къ природѣ, и каждое время года отражается рѣзко въ его играхъ, въ его затѣяхъ; зимой одно, лѣтомъ другое.

Напился я наскоро чайку съ свѣжей сдобной лепешкой и присѣлъ къ окну, полюбоваться молодой зимой. Кстати надо было подумать о салазкахъ, горѣ, лыжахъ и мало ли о чемъ. Заботъ у нашего брата вѣдь много, чуть ли не больше, чѣмъ у большихъ. Только странно какъ-то вышло: вмѣсто салазокъ меня заняли слѣды людей, собакъ, скотины, птицъ, которыми пестрымъ узоромъ былъ росписанъ молодой снѣгъ.

Пинь, пинь, таррарах, звонко раздалось за окошкомъ.

Прямо противъ окна были сложены дрова. Быстро повертывая хвостикомъ, встряхивая крылышками, на дровахъ вертѣлась прехорошенькая птичка. Всѣ движенія ея были порывисты, быстры, неожиданны. То она юркнетъ между полѣньевъ; то вскочитъ на верхъ, взмахнетъ крылышками; вернется изъ стороны въ сторону; порхнетъ неожиданно внизъ; клюнетъ разъ, другой щепочку; глядишь, снова на полѣнницѣ, повернулась, подпрыгнула и уже на заборѣ; а тамъ, порхнула и слѣдъ ея простылъ.

Ждать, пождать—нѣтъ птички. Я бѣгомъ къ отцу. Рассказываю ему о диковинной птичкѣ.

— Какая же она собой?

— Брюшко, говорю, желтенькое, а по серединѣ черный

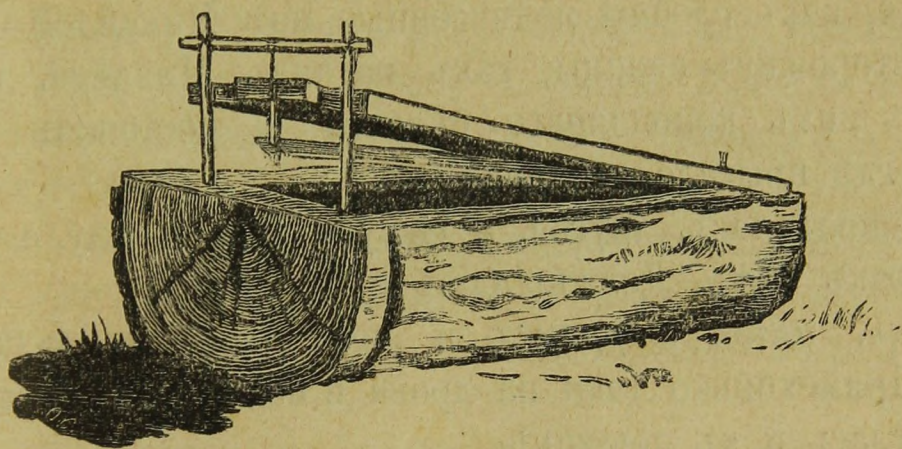
ремень до горлышка. Щеки бѣлыя. На головкѣ черная шапочка. Спинка зелененькая.

— Эка невидаль. Это простая, обыкновенная синичка. Такія ли есть въ лѣсу.

Простая, обыкновенная синичка, кому какъ, а меня такъ и приковало къ окну. Но синичка какъ на зло не являлась.

Около амбара суетились голуби и воробьи. Къ нимъ присосѣдилась галка. На заборѣ сидѣла ворона. Сорока помахиwała хвостикомъ на вѣткѣ старой липы. Синичка все не показывалась.

Позвали насъ завтракать, а Никаноровна мнѣ на ушко шепчетъ: „вась, барекъ, Михайла плотникъ ждетъ въ прихожей“.

Я мигомъ туда.

— Гостинчику, Николаичъ, прими на новоселье, и онъ подаль мнѣ какую-то самодѣльную игрушку.

— Что же это такое, Михайло?

— А, вотъ, слышь-ты, возьми подними крышку-то такъ; подопри ее сторожкой; задѣнь ёмъ за язычекъ; насыпь въ корыцко-то сѣмячка; и шабашъ, готово; только ставь гдѣ любо. Пичужка, какая ни на есть, прилетитъ, увидитъ сѣмячко и туда, прыгъ, прыгъ; задѣла язычекъ; щолкъ—и наша.

Не берусь рассказать подробно, что я чувствовалъ тогда. Только отчетливо помню, что я былъ счастливъ; и это чувство счастья было вызвано мыслью — теперь синичка будетъ моя.

Можетъ быть вы посмѣетесь надъ этимъ счастьемъ. Конечно, кому что нравится! Вотъ посмотрите на подарокъ Михайлы.

Вы городской мальчикъ, вы не дадите за этотъ неуклюжій обрубокъ послѣдняго обломка самой плохой игрушки.

Деревенскій мальчикъ сдѣлалъ иначе. Спряталъ бережно подарокъ Михайлы подъ свою кроватку; позавтракалъ на скоро и вернувшись въ дѣтскую, я торжественно преподнесъ Зинѣ всѣ свои игрушки.

Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, но и теперь я съ благодарностью вспоминаю Михайлу за его незатѣйливый подарокъ. Много послѣ того я получалъ подарковъ, и дорогихъ, и дешевыхъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ такого значенія, какъ слошцы поднесенные мнѣ Михайлой.

Настороживъ слошцы, какъ научилъ Михайла, и насыпавъ въ нихъ коноплянаго сѣмечка, я поставилъ ихъ на дрова, гдѣ прыгала синичка.

Прошелъ часъ, другой, я сижу у окна и жду, а синички нѣтъ, какъ нѣтъ. Должно быть и не будетъ.

Пинь, пинь, таррарах и моя красавица тутъ, какъ тутъ. Прямехонько таки на дрова и пожаловала. Туда, сюда повернулась и къ ловушкѣ.

Чики, чики, чики... пинь, пинь и прыгъ на край. Еще два, три прыжка. Хлопъ. *Пинь, пинь* и скрылась моя синичка; только хвостъ остался, защемленный крышкой ловушки. Представьте мою досаду. А тутъ обернулся, смотрю, стоитъ отецъ и смѣется.

— Ай-да птицеловъ, говоритъ. Ловко же ты ловишь синичьи хвосты.

Я готовъ былъ расплакаться.

— Принеси слошцы.

Я принесъ.

— Какъ ты настораживалъ?

Я показалъ ему.

— Ну, мастеръ. Пробуй язычекъ.

Ловушка едва спускала.

— Видишь ли. Всякое дѣло требуетъ знанія. Смотри какъ надо дѣлать. Тащи и поставь теперь.

Горячо поцѣловаль я своего папку-насмѣшника и побѣжалъ ставить слопцы. Счастье повернулось ко мнѣ самымъ носомъ. Не прошло пяти минутъ—новая синичка.

Пинь, пинь, таррарах.

Разъ, два, три; хлопъ и готово. Непомня себя я прибѣжалъ къ дровамъ; взялъ слопцы; приподнялъ крышку—тамъ. Тащить бы домой. Нѣтъ. Закрылъ полой слопцы, запустилъ руку и вытащилъ синичку, съ ожесточеніемъ щипавшую мои пальцы. Держу, люблюсь. Вдругъ моя синичка головку повѣсила, глазки закрылись—умерла. Что я сдѣлалъ? вѣрно помялъ бѣдняжку. Открылъ руку—лежитъ моя синичка недвижима. Ахъ, досада! Первая—и убилъ. Глянулъ на окно дѣтской—стоитъ отецъ и смѣется. Фу, гадость какая. Со всѣмъ острамился.

Вдругъ надъ ухомъ—*пинь*. Смотрю на ладонь — пусто. Мертвая улетѣла. Глянулъ на окно дѣтской,—а тамъ уже не одинъ отецъ—мать, Зина, нянька и всѣ-то покатываются со смѣху.

Чуть не разбилъ я свои слопцы. Сѣлъ на крыльцѣ и заплакалъ горькими слезами, слезами злой досады.

— Полно, дурашка. Вѣдь самъ винованъ, слышу за спиной голосъ отца. Пойдемъ, одѣнься, отыщемъ въ кладовой клѣтки. Ты даже не подумалъ куда бы синицъ сажать. Плохъ, плохъ. Пятками думаешь.

Въ кладовой дѣйствительно нашлись клѣтки, о которыхъ я и не зналъ.

— А вотъ это, говорилъ папка, не твоимъ слопцамъ чета. Это настоящая западня или чапки.

— Эти боковыя отдѣленія есть ловушки, устроенныя по тому же плану, какъ слопцы. Оттяни дверку внизъ, верхнимъ концомъ сторожка задѣнь за перекладину, нижнимъ—за поперечную палочку. Насыпь въ ловушку коноплянаго сѣмьчка.

Готово! Теперь ставь и увидишь, что это много лучше слопцовъ. И птица не такъ боится, поэтому ловится скорѣе.

— Зачѣмъ же среднее отдѣленіе?

— Сюда сажаютъ птичку, чтобы приманивала своихъ вольныхъ товарищей. Когда-то еще синички увидятъ твою западню, когда-то подлетятъ къ ней и захотятъ полакомиться зернами. А если здѣсь сидитъ птичка, то видя своихъ товарищей, она кричитъ, — зоветъ ихъ. Заслышавъ голосъ, они быстро летятъ къ западнѣ и, не понимая, что она въ плѣну, — доврѣчиво бросаются ѣсть зерна а тутъ — хлопъ и попался.

Разсказывая мнѣ все это, отецъ приводилъ западню въ порядокъ. Наконецъ, когда все было готово, мы поставили ее на дрова. Не прошло четверти часа, явилась синичка. *Пинь, пинь, таррарах.*

Прыгъ, скокъ. Два-три раза кругомъ обошла западню. Вскочила на верхъ. Глядь — зеренъ цѣлая горсти. *Тинь, тинь* — и она уже на откинутой дверкѣ. Еще минута — синичка скакнула на поперечину. Хлопъ — и заметалась въ ловушкѣ. Непомня себя отъ радости, я прибѣжалъ въ дѣтскую съ своей добычей. Пересадили мы, съ папкой, синичку въ клѣтку. По его совѣту закрылъ я клѣтку платкомъ, чтобы не очень билась и пугалась моя плѣнница. Прошло съ полчаса — синичка стала долбить сѣмячко. Мы повѣсили клѣтку надъ окномъ.

Синичка такъ усердно долбила и поѣдала зерно за зерномъ, какъ будто вѣкъ жила тутъ.

— А будетъ она пѣть? — спросилъ я отца.

— Будетъ, только не скоро; когда обседится, привыкнетъ, впрочемъ, она плохая пѣвунья. Ты поймай щегла, чижа, или овсянку. Вотъ это настоящіе пѣвцы. И то пѣвцы не перваго сорта, а такъ себѣ. Зимой пѣвцовъ у насъ мало. Они теперь далеко, гдѣ нибудь въ Египтѣ. Придетъ весна и они прилетятъ.

И рѣчи папки, и подарокъ Михайлы, и эти синичк^и, словомъ, все совершившееся въ тотъ день имѣло глубокое вліяніе на всю мою жизнь. Скучная, обыденная забота исчезла для меня навсегда. Ни игрушки, ни игры, ни удовольствія общественной жизни не прельщали меня болѣе. Лѣса и степи, озера и рѣчки, съ ихъ лугами, болотами и кустами приковали съ той поры всѣ мои помыслы. Таинственной и чудесной, вѣчно новой и заманчивой представлялась мнѣ жизнь ихъ обитателей—звѣрьковъ, птичекъ, ящерокъ, улитокъ, лягушекъ, жучковъ, рыбъ и т. д. Каждый походъ въ лѣсъ, въ поле, на рѣчку кончался знакомствомъ съ новымъ, невиданнымъ животнымъ. Каждый день передъ моими глазами развѣртывались новыя картины природы, картины живыя, подвижныя, переменчивыя, гдѣ ни одна фигура не оставалась праздною, безучастною. Сцены жестокой борьбы между животными, вызываемыя голодомъ и враждой, смѣнялись сценами счастья, привязанности и самоотверженія. Природа открыла мнѣ доступъ въ свои завѣтные тайники.

Тамъ я видѣлъ какъ мать жертвуетъ жизнью, при нападеніи врага, чтобы спасти своихъ дѣтей.

Я видѣлъ, какъ другая мать поѣдаетъ своихъ дѣтокъ.

Я видѣлъ, какъ защищаютъ раненаго товарища, забывая свою безопасность.

Я видѣлъ, какъ братъ заѣдаетъ брата изъ-за кусочка пищи.

Но, я видѣлъ такъ же какъ другъ приноситъ пищу другу, чужому, не родному ему. Словомъ, я находилъ человѣчность тамъ, гдѣ ее никакъ не хотятъ признать люди.

Я не художникъ по ремеслу. Но та же природа научила меня уважать искусство. Потому-то я видѣлъ искусство тамъ, гдѣ трудно его допустить.

Да нѣтъ, пересказать все, что видѣлъ въ природѣ, чему научила она меня, сразу нельзя.

На этотъ разъ передамъ кое-что о своей любимкѣ-синичкѣ и нѣкоторыхъ ея родственницахъ живущихъ у насъ, на Руси. Вотъ онѣ, смотрите ихъ.

Въ серединѣ (фиг. 1) та самая плутовка, которая такъ обманула лукаво меня. Это обыкновенная или большая синичка, мѣстами у насъ зовутъ ее зинька, зинзиверь, слѣпухъ, или кузнечикъ; и каждая кличка ей не даромъ дана. Она больше всѣхъ своихъ родственницъ. Она обыкновеннѣе ихъ и чаще попадаетъ. Зинькой и зинзиверемъ ее прозвали по ея крику. Кузнечикомъ зовутъ по манерѣ долбить зерна. А почему зовутъ слѣпухомъ, на Уралѣ, сказать не могу; глазки у нее хоть куда, живые, веселые, блестящіе. Да и вся-то синичка сложена статно, красиво, а по движеніямъ сущая егоза. Нѣтъ минуты, кажется, въ теченіе дня, чтобы синичка посидѣла на мѣстѣ, чинно, неподвижно, какъ другія птички, всегда въ движеніи, вѣчно суетится. Но, какъ только наступитъ вечеръ—егоза превращается въ неподвижный пуховой шаръ, не видать ни головы, ни крыльевъ,—только кончикъ хвоста торчитъ. Такъ не спитъ ни одна наша птичка.

Одѣта синичка франтовато. Черносизая блестящая шапочка прикрываетъ ее головку. Черныя ленты, окаймляя бѣлыя щечки, идутъ на горло; какъ концы франтовскаго галстуха, идетъ отъ горла на грудь черная полоса. Спинка нѣжнаго и тусклаго зелено-сѣраго цвѣта. Грудь и брюшко лимонно-желтыя. Хвостъ и крылышки голубо-сѣрые, а на послѣднихъ еще бѣленькія полосы.

Синичка—житель дерева. Гдѣ нѣтъ лѣсовъ или садовъ, ее не увидишь, потому, что только на деревьяхъ она находитъ свой обычный кормъ. Она не любитъ стараго дремучаго бора, гдѣ однѣ только сосны и ели. Но всякій высокій лѣсъ, состоящій изъ смѣси разныхъ лиственныхъ деревьевъ и даже съ примѣсю хвойныхъ—настоящее жилище синички. На выборъ деревьевъ синичка не прихотлива: чѣмъ разнообразнѣе лѣсъ, тѣмъ ей болѣе любъ онъ. Поэтому она водится въ лѣсахъ почти всей Россіи и Сибири, отъ Архангельска до Крыма и Кавказа, отъ Польши до отдаленной Сибири и Туркестана. Въ степныхъ садахъ Украины ей

L. C. Poston

такъ же хорошо, какъ въ обширныхъ лѣсахъ Урала, если только тамъ и тутъ она найдетъ пищу. Ни холодъ архангельской или сибирской зимы, ни астраханскіе лѣтніе жары синичкѣ ни почемъ, лишь бы было чего поѣсть.

Что она ѣстъ? какая любимая пища синички?

Въ клѣткахъ ее кормятъ коноплянымъ сѣменемъ. Она очевидно любитъ его, потому что изъ-за этого лакомства попадаетъ въ ловушки. Но еслибъ конопляное сѣмя составляло ее любимую и главную пищу, конечно синичка жила бы постоянно на коноплянникахъ, а не въ лѣсахъ. Слѣдовательно главная пища синички другая.

Чтобъ узнать чѣмъ питается какое нибудь животное, есть два средства: или надо наблюдать его жизнь и видѣть что оно ѣстъ, или же вскрыть убитое животное, разрѣзать его желудокъ и рассмотреть недоваренные еще остатки пищи. Обыкновенно ученые употребляютъ оба эти способа, чтобы судить правильно о пищѣ животныхъ.

Будемъ же слѣдить за синичкой въ разное время года, чтобы познакомиться хорошенько съ ея жизнью и дѣятельностью.

Лѣтомъ синичку не увидишь ни въ городѣ, ни въ деревнѣ. Развѣ только пара или двѣ живутъ въ большомъ саду. Лѣтомъ почти всѣ синички живутъ въ глуши лѣса.

Какъ только наступитъ осень, опадетъ листь съ деревьевъ, начнутъ замерзать по утрамъ лужи — если есть вблизи лѣсъ—синички по одиночкѣ появляются въ садахъ, на огородахъ, на коноплянникахъ и дворахъ. Съ утра до вечера онѣ обыскиваютъ деревья, кусты, заборы; каждую вѣтку куста или дерева, каждую щель въ заборѣ синичка подвергаетъ самому тщательному осмотру. Насѣкомое, забравшееся въ трещину бревна, окоченѣвшее отъ холода, гусеница или куколка захваченныя морозомъ на вѣткѣ дерева—все это идетъ на пропитанье синичкѣ. Яички бабочки, бисернымъ кольцомъ приклеенныя на вѣтку, изъ которыхъ весной вывелись бы гусеницы, отыскиваются синичкой съ особеннымъ усер-

діемъ и составляютъ ее любимую пищу. Но всего этого мало глубокой осенью, съ каждымъ днемъ становится меньше и меньше; аппетитъ же синички съ холодами растетъ. Нужно искать другую пищу. Она летитъ къ полѣнницѣ дровъ; подъ отставшей корой полѣньевъ богатая пожива: жуки-короѣды, — точильщики, ихъ гусеницы и яички; на поверхности коры — личинки и яички бабочекъ. Но и это не можетъ удовлетворить голодъ синички; она принимается за конопляныя зерна, долбитъ брошенные въ кучу обмолотки подсолнечниковъ. Веселое „пинь, пинь, таррарах“ раздается въ морозномъ воздухѣ, значитъ сыта наша синичка, или завидѣла поживу.

Зима совсѣмъ осилила осень. Толстымъ слоємъ укрыль снѣгъ мерзлую землю. Трескучіе морозы чередуются съ вьюгой-мятелицей. Плохо синичкѣ, плохо всѣмъ, на комъ нѣтъ чужой шкурки, кто не ѣстъ готовый хлѣбъ. Закрутитъ мятель — все прячется куда попало. По цѣлымъ днямъ нельзя отправляться на промыселъ. И сидятъ, голодаютъ, отсиживаютъ отъ студеной бѣды и звѣри, и птицы.

Первой бы тутъ пропасть нашей синичкѣ. Но не даромъ она плутъ. Закутайтесь теплѣе, пойдѣмъ въ самую глушь сосноваго бора: пинь пинь, таррарах — здѣсь наша плутовка. Злится, воетъ мятель; воля ей въ чистомъ полѣ, но набѣжала на лѣсъ — тутъ не то. Плотной стѣной, словно образцовая армія, стоятъ деревья дремучаго бора. Набѣжала мятель, налетѣла и разбилась о крѣпкую вѣковую стѣну сплошной хвои. Завязалась борьба. Воетъ, злится вьюга; тучи снѣга несетъ она съ поля на лѣсъ, словно засыпать его хочетъ. Зашумѣли кудрявыя вершины сосенъ; точно говоръ какой пошелъ по лѣсу, но стоятъ онѣ крѣпко и не осилить ихъ вьюгѣ. Цѣлые сугробы наметала она на опушкѣ. А внутри лѣса не шелохнется; ровной пеленой лежитъ снѣгъ. Крѣпко стоитъ эта сосновая армія за своихъ гражданъ. Иной изъ нихъ замерзъ бы въ полѣ; а тутъ, смотришь, летаетъ, прыгаетъ, стучитъ въ деревья, покрикиваетъ, — цѣлъ, дескать, и сытъ. Тутъ наша синичка, кажется, первое лицо. Въ со-

тый разъ она обыщетъ каждую вѣтку—глядишь, что нибудь и досталось на завтракъ. Не нашлось ничего вкуснаго—ну долбить почку березки, сѣмя сосны или что-нибудь такое. Много однако умереть синичекъ за зиму отъ голода, холода и враговъ. Наткнулась ночью куница на пуховой шарикъ—пропала синичка. Забралась ли она въ трескучій морозъ въ дупло дерева—глядь туда лѣзетъ погрѣться бѣлка—опять смерть неминучая. Повисла синичка на вѣткѣ, усердно отыскивая на корѣ ея и въ почкахъ насѣкомыхъ, — откуда ни возмись ястребъ-перепелятникъ: цапъ, и только перышки полетѣли по воздуху. Поэтому она и летитъ зимой къ жилью человѣка: гдѣ и сытѣе, и безопаснѣе, куда собирается много, подобныхъ ей, попрошаекъ изъ лѣсовъ, съ полей и луговъ. Ну, пусть поймають въ западню. Экая важность! Въ клѣткѣ и тепло, и сытно, а тамъ, авось, можно будетъ и удрать. Не подумайте, что я зря говорю, будто птицы, разъ побывавъ въ клѣткѣ, не боятся неволи. Много разъ я выпускалъ на волю снигирей, чечетокъ и другихъ птичекъ, долго сидѣвшихъ въ клѣткѣ: онѣ нѣсколько дней вертѣлись около дома, влетали въ двери, въ форточки.

Когда ловъ синицъ шелъ черезъ-чуръ удачно и дѣвать ихъ было некуда, я отмѣчалъ ихъ, напр. обрѣзывалъ разнымъ фасономъ хвостики, чтобы лучше отличать одну отъ другой, и выпускалъ на волю. Въ тотъ же день мои куцыя первыми попадались въ западни.

Зима на исходѣ; появились проталинки на пригрѣвахъ; почки деревьевъ надулись. Одна за другой синички покидаютъ деревни. Онѣ снова снуютъ по лѣсу. Звонко несутся ихъ крики, смѣняемые трелями, какихъ не услышишь зимой.

Мутными ручьями побѣжала вода. Таетъ снѣгъ съ каждымъ днемъ. Весна пришла и все оживаетъ. Теперь и въ лѣсу для синички пищи много. Забыты зерна и древесныя почки. Ея столъ состоитъ исключительно изъ насѣкомыхъ. Синичка нашла себѣ подругу. Сообща отыскали дупло. Свила тамъ гнѣздышко. Положила самка 8—10 маленькихъ, бѣ-

лыхъ яичекъ, съ красными крапинками. Въ двѣ недѣли выси́дѣли дѣтокъ. Новая забота матери и отцу. Съ ранняго утра до сумерекъ, безъ устали, снуютъ они по лѣсу, ловя гусеницъ на кормъ своимъ малюткамъ. Забыты пѣсни и громкіе крики. Молча работать покойнѣе—не такъ скоро замѣтитъ врагъ въ зеленой листьѣ.

Наконецъ малютки подросли, оперились, вылѣзли изъ дупла. Старики учатъ ихъ летать съ вѣтки на вѣтку, все дальше, дальше, съ дерева на дерево. Найдя гусеницу, мать кричитъ нѣжно, тихо, а сама не трогаетъ добычи, подлетѣлъ птенчикъ—она укажетъ ему. Съѣлъ онъ разъ, другой такъ и уже слѣдитъ за движеніями матери. Скоро и звать его не надо, самъ подхватитъ гусеницу или жучка, едва только старуха замѣтила ихъ. Веселой толпой кочуетъ семейка синицъ по лѣсу, пока молодые не выросли и не выучились сами добывать пропитаніе. Подходитъ осень; теперь имъ уже не нужны заботы старыхъ. Выводокъ разсыпался врозь, кто куда, по лѣсу. Пора жить своимъ трудомъ. Замѣтивъ, что старые начали летать изъ лѣсу въ деревни, молодые туда же за ними.

Такъ изъ году въ годъ идетъ синичья жизнь. Лѣтомъ синичка сыта и довольна насѣкомыми; пришла зима лютая—надо и постнымъ закусить, дѣлать нечего, голодъ не тетка. Поэтому-то зимой ловить синичекъ такъ же легко, какъ трудно поймать ихъ лѣтомъ. Въ клѣткѣ синичка одна изъ самыхъ веселыхъ и занятныхъ птицъ. Вѣчно подвижная, веселая, бойкая, долбитъ, кричитъ и шумитъ цѣлый день. Пришелъ февраль—она угоститъ васъ пѣсней, незатѣйливой правда, куда до соловья, но трели ея очень музыкальны.

Выпустишь ее изъ клѣтки—синичка обшаритъ всѣ стѣны, обыщетъ всѣ трещины; горе клопамъ, паукамъ, тараканамъ, соннымъ мухамъ, спрятавшимся туда, — острый клювъ синички вытащитъ ихъ исправнѣйшимъ образомъ. Какъ добрый садовникъ она осмотритъ всѣ растенія на окнахъ; правда, при этомъ пощиплетъ кое-гдѣ листочки, но за то уничтожитъ всѣхъ насѣкомыхъ, которыя живутъ на нихъ.

Есть однако и дурныя черты у моей любимки. Она зла и сварлива. Драки и ссоры закипятъ мигомъ, если посадить двухъ синичекъ въ одну клѣтку. А съ другими птицами сажать ее вовсе нельзя. Въ нѣсколько дней синичка изведетъ цѣлый птичникъ; каждое утро придется вынимать изъ него синигрей, чечетокъ, чижей и другихъ птичекъ съ пробитыми черепами:—синичка съ яростью нападаетъ на этихъ мирныхъ птичекъ, долбитъ имъ черепъ, убиваетъ и выѣдаетъ мозгъ, какъ лакомство.

Такова наша обыкновенная или большая синичка, та самая, которая надула меня.

— Такія ли есть синицы въ лѣсу! говорилъ мнѣ отецъ.

Смотрите рисунокъ. На верху—двѣ писаныя красавицы—Лазоревка (фиг. 3) и Князекъ (фиг. 2); внизу—Московка (фиг. 4), Гаичка (фиг. 5) и Хохлатая синичка (фиг. 6). Это наиболѣе обыкновенныя русскія синички. (Кромѣ ихъ есть еще нѣсколько видовъ, но о нихъ въ другой разъ потолкуемъ). Даже по нераскрашенному рисунку вы легко различите одну отъ другой нашихъ синичекъ. По этому рисунку вы легко составите понятіе объ относительной величинѣ синичекъ; прибавлю только, въ поясненіе, что всѣ онѣ на $\frac{1}{3}$ часть уменьшены противъ настоящей величины. Въ узорѣ и цвѣтѣ ихъ перьевъ много сходства, но не мало и различия.

Лазоревка (фиг. 3) очень похожа на обыкновенную синичку; это—хорошенькая миниатюра ее. Спинка у лазоревки такая же зеленоватая, брюшко и грудка такія же лимонно-желтыя. Черная, узкая полоска идетъ по брюшку, исчезая на груди. Но всюду въ остальныхъ мѣстахъ черный цвѣтъ замѣненъ превосходнымъ лазурнымъ. Черезъ глазокъ идетъ черно-лазорева полоска. Круглая лазоревая шапочка накрываетъ бѣленькую головку. Отъ задняго края ея въ обѣ стороны идутъ ленточки черно-лазорева, завязанныя подъ горломъ. Крылья и хвостъ лазорево-сѣраго цвѣта.

Князекъ (фиг. 2). Нашъ народъ зоветъ князьками всѣхъ выродковъ бѣлаго цвѣта, встрѣчающихся между

разными животными. Князьками зовуть бѣлыхъ стерлядей, бѣлыхъ крысъ, бѣлыхъ выроdkовъ птицъ.

Въ 1769 году въ Симбирскѣ остановились зимовать двое ученыхъ — Палласъ и Лепехинъ. Весь городъ былъ въ переполохѣ. Мои прадѣдушки и прабабушки, вѣроятно, не мало волновались по поводу пріѣзда невиданныхъ гостей. Не то начальство, не то фокусники наѣхали изъ самого Петербурга. Задолго до пріѣзда имъ отвели почетныя квартиры. Самъ губернаторъ не зналъ какъ принять нежданныхъ гостей. Бумаги у нихъ были такія, что просто передъ ними не пикни, а дѣлай что прикажутъ.

— Вы намъ, ваше превосходительство, говорилъ Палласъ, пришлите рыбаковъ, намъ нужно видѣть птицелововъ, охотниковъ.

Сердце правителя Симбирска сжималось. Не вѣрилось ему, что матушка Екатерина пошлетъ для такихъ пустяковъ столь важныхъ чиновниковъ. Но дѣлать было нечего. Рыбаки, охотники, птицеловы были притащены къ ихъ рыбьимъ и птичьимъ превосходительствамъ. Обласкали они рыбаковъ, птицелововъ, охотниковъ и убѣдили ихъ, что бѣды имъ не будетъ если только скажутъ правду: какіе звѣри, птицы, рыбы живутъ тамъ и какъ ихъ ловятъ они.

Одинъ птицеловъ расхрабрился до того, что объявилъ, будто на Волгѣ, въ талахъ, живетъ птица князекъ — красоты неописанной. Объявилъ онъ это, да и напугался. Пошли ему допросы какая-токая птица, можетъ ли онъ ее доставить. Только что вышелъ птицеловъ отъ пріѣзжихъ нѣмцевъ, подцѣпили его стражники по приказу коменданта и къ губернатору. Здѣсь снова допросъ о птицѣ-князекѣ. Божился, клялся птицеловъ, что есть князекъ и взялся доставить его.

Для вѣрности губернаторъ велѣлъ приставить къ нему часовыхъ. Забралъ старикъ-птицеловъ свои снасти, испуганный, подавленный нежданной бѣдой, подъ конвоемъ пошелъ черезъ сады къ Волгѣ, на Поповъ островъ. Счастье улыбнулось бѣднягѣ: слѣдующимъ утромъ шесть или семь князь-

ковъ, радостный, торжествующій, принесъ онъ Палласу. Щедро одарили его ученые за князковъ, такъ щедро, что на всю зиму можно на печь залѣзть старикашкѣ. Губернаторъ приказалъ отпустить его изъ подъ стражи. И всѣ были довольны. Лепехинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Другая птичка называется князіокъ подъ Симбирскимъ и принадлежитъ къ роду синичекъ, водится по большей части въ мелкомъ дубнякѣ, и только зимнимъ временемъ примѣчается. Красота перьевъ пожаловала его между синичками въ князьки“.

Дѣйствительно князекъ-синичка очень красива. Спинка ея свѣтлая, голубенькая. Крылья, хвостъ и ленточки на шеѣ и щекахъ яркаго лазурнаго цвѣта. Всѣ остальные перья бѣлые, какъ снѣгъ.

Московка (фиг. 4) окрашена пестро, но цвѣта ея не яркіе, только спинка голубо-сѣрая. Брюшко свѣтло-буроватое. Шапочка и ея ленты черныя.

Гаичка (фиг. 5), которую зовутъ также болотной синичкой, еще менѣе нарядна. У нее нѣтъ даже пестроты московки. Шапочка черная, безъ лентъ. Щеки бѣлыя, а все остальное сѣровато-бураго цвѣта.

Хохлушка (фиг. 6) по окраскѣ походитъ на московку, но вмѣсто черной шапочки у нее на головкѣ перья длинныя, пестрыя, которыя она поднимаетъ хохломъ.

Лазоревка любитъ густыя, старыя лиственные лѣса, гдѣ липа и дубъ. Тамъ въ самой глуши, подъ тѣнью старыхъ деревьевъ, живетъ она все лѣто, питаясь насѣкомыми. Осенью же, собравшись въ табунки, кочуетъ по лѣсамъ и кустамъ рѣчныхъ долинъ, залетая нерѣдко въ сады деревень и городовъ.

Князекъ населяетъ всю Сибирь и сѣверо-восточныя губерніи Европейской Россіи. Эта синичка любитъ кустарники и лѣса рѣчныхъ долинъ, называемые уремой, гдѣ вьетъ гнѣзда въ дуплахъ и кочуетъ цѣлый годъ.

Московка и хохлушка предпочитаютъ хвойныя лѣса, гдѣ среди сосенъ и елей растутъ березы и осины. Обѣ онѣ

встрѣчаются во всѣхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи и Сибири.

Гаичка не даромъ зовется болотной синичкой—она очень любитъ воду, больше всякой другой синички. Поэтому живя въ самыхъ разнообразныхъ лѣсахъ, она выбираетъ тамъ мѣста, гдѣ есть болота, рѣчки или роднички, на которые лѣтомъ часто летаетъ пить.

Всѣ эти синички образомъ жизни, нравами, пищей, манерой ея добыванія — очень похожи на обыкновенную синичку. Но онѣ гораздо общественнѣе и больше привязаны къ лѣсу. Даже зимой ихъ гораздо рѣже встрѣтишь въ саду, а около домовъ и на дворахъ почти никогда, потому что онѣ питаются по преимуществу насѣкомыми и конопляное сѣмя ѣдятъ только въ крайнихъ случаяхъ. Однако въ глухую осень и зимой онѣ охотно бросаются на эту пищу, давая птицелову легкую возможность ловить ихъ.

Въ жаркіе лѣтніе дни я часто ловилъ нѣкоторые виды этихъ синичекъ, въ глуши лѣсной, около родниковъ. Для этого я закрывалъ родникъ вѣтвями и хворостомъ, а около ставилъ лучокъ (особый птицеловный снарядъ изъ двухъ полуобручей, на которые натянута сѣтка; я опишу его въ другой разъ), подъ которымъ, вмѣсто зеренъ, вкапывалъ въ землю корытцо съ водой. Тутъ ловились не только синички, но даже дятлы.

Зимой же я любилъ ловить разныхъ синичекъ, тѣмъ же лучкомъ, или западней, у не замерзающихъ родниковъ. Въ нихъ мочатъ конопля, обмолоченная осенью, и вымочивъ складываютъ снопы въ кучи по близости. Синички, съ голода, являются сюда искать уцѣлѣвшія сѣмечки.

Вообще всѣ синички, подобно обыкновенной, есть жители лѣса и дерева. Въ дуплахъ старыхъ деревьевъ онѣ вьютъ гнѣзда. Въ густой листвѣ вѣтвей спятъ. На корѣ и на листьяхъ круглый годъ ищутъ свою пищу, состоящую изъ насѣкомыхъ, ихъ гусеницъ и яичекъ. Особенно любятъ всѣ синички яйца насѣкомыхъ и въ искусствѣ отыскивать ихъ

едва ли не превосходятъ всѣхъ другихъ нашихъ птичекъ. Лѣтомъ живутъ онѣ въ глуши лѣсовъ, осенью и зимой кочуютъ въ лѣсу, показываясь на его опушкахъ, или перелетая по кустамъ рѣчныхъ долинъ и садовъ. Дѣятельностью и юркостью онѣ превосходятъ обыкновенную синичку, да и пѣсни ихъ музыкальнѣе. Поэтому въ клѣткахъ очень пріятно держать этихъ птичекъ. Но онѣ долго не выдерживаютъ неволи — клѣтка стѣсняетъ ихъ движенія и онѣ хирѣютъ. Кормъ по вкусу подобрать имъ тоже трудно. Сѣмя конопляное онѣ, правда, ѣдятъ, но долго питаться имъ не могутъ—заболѣваютъ. Надо имъ давать сѣмя раздавленное и прибавлять сухихъ муравьиныхъ яичекъ. Однако и на этомъ кормѣ, при тщательномъ уходѣ, названные виды синичекъ рѣдко выживаютъ подолгу. Поэтому, примите совѣтъ,—ловите ихъ осенью, зимой—это доставить много удовольствія; пѣніе ихъ, живость движеній — сократитъ вамъ не одинъ скучный зимній день. Но, какъ только наступитъ въ срединѣ марта день Алексѣя, когда побѣжитъ съ горъ вода, а изъ омутовъ поднимется рыба,—выпустите на волю всѣхъ вашихъ синичекъ въ садъ. За то что вы прокормили ихъ зимой, онѣ отплатятъ вамъ сторицей — на обтаявшихъ деревьяхъ и кустахъ онѣ поѣдятъ сотни и тысячи яичекъ насекомыхъ и спасутъ не только будущую листву, но и многіе плоды и ягоды сада, которыми вы же полакомитесь.

Придетъ осень, снова вернутся наши знакомки и наловимъ ихъ сколько угодно.

Модестъ Богдановъ.

3-го января 1882 г.

ПТИЧКА-СИНИЧКА.

ТИЧКА-СИНИЧКА,
Гдѣ посидѣла,
Тамъ и пропѣла
Пѣсни свои.

Кто ей внимаетъ,
Птичка не знаетъ,
И пропадаетъ
Въ синей дали.

Славная доля,
Вольная воля,
Чистое поле,
Зелень вѣтвей.

И отъ того-то,
Если охота
Пѣть безъ заботы,
Весело ей.

Если-бы взяли
Птичку поймали
И заставляли
Въ клѣточкѣ пѣть,
Птичкѣ синичкѣ
Такъ-бы не пѣлось
И захотѣлось
Въ ней умереть.

С. Дрожжинъ.

Январь 1882 г.

ПОВАРЕННАЯ СОЛЬ.

(ОКОНЧАНИЕ).

ИЗЪ БАССЕЙНА вода снова поднимается водоподъемной машиной на верхъ и пускается на градирь, потомъ опять поднимаютъ въ верхній бассейнъ и градируютъ до тѣхъ поръ, пока разсолъ не будетъ содержать 27⁰/₀ соли.

Сгущенный разсолъ переливаютъ въ плоскія сковороды, подъ которыми устроены печи; въ печахъ разводятъ огонь. Разсолъ закипаетъ. Вода въ видѣ паровъ уходитъ, а соль начинаетъ постепенно кристаллизоваться въ небольшіе кусочки; полученную соль выгребаютъ въ корзины; оставшуюся жидкость, маточный разсолъ, усиленно нагрѣваютъ; изъ него выдѣляется вторая соль, не такая чистая, какъ первая. Изъ оставшейся жидкости послѣ второй соли добываютъ другія вещества, похожія на поваренную соль. По просушкѣ, соль пускается въ продажу.

Солевареніе началось въ Россіи въ г. Соликамскѣ, Пермской губерніи въ XVI столѣтіи. Сперва былъ устроенъ одинъ солеваренный заводъ, а потомъ по р. Камѣ образовалось нѣсколько заводовъ. Разсолы на пермскихъ заводахъ извлекаются на поверхность солеподъемными трубами. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ предполагаютъ подземный соляной источникъ, большимъ буровомъ роютъ глубокой колодець и, дойдя до

солянаго разсола, вставляютъ въ колодець трубу, по которой паровымъ насосомъ выкачиваютъ разсолъ; иногда же случается, что напоръ солянаго источника такъ великъ, что вода сама съ силой выливается изъ трубы. Полученный разсолъ переливаютъ въ ворлицы, сковороды, гдѣ и выпариваютъ его на огнѣ, до кристаллизаціи.

Кромѣ пермскихъ солеваренныхъ заводовъ, добывается соль градирами и варницами въ Старой Русѣ, Новгородской губерніи и въ г. Славянскѣ, Харьковской губерніи.

Въ Старой Русѣ и Славянскѣ есть большія озера. Вода этихъ озеръ содержитъ кромѣ поваренной соли еще много магніевыхъ, кальціевыхъ, іодистыхъ, бромистыхъ и пр., чрезъ присутствіе этихъ солей воды озеръ пріобрѣтаютъ цѣлебныя свойства. Тамъ, на берегу озеръ устроены водолечебныя заведенія съ теплыми, грязевыми солеными ваннами. Каждое лѣто туда съѣзжается много больныхъ и, принимая ванны или просто купаясь въ озерѣ, получаютъ облегченіе.

VII.

Громадный запасъ соли находится еще въ такъ называемыхъ соляныхъ степяхъ или солончакахъ. Солончаками называются мѣстности, почва которыхъ вся смѣшана съ солью, а мѣстами даже покрыта сплошь грязною, сѣрою соляной корой. Ни дерево, ни трава не можетъ расти на такой почвѣ, почему солончаки представляютъ собою голую, бесплодную, безжизненную пустыню, которая не оживляется ни птицей, ни животнымъ. Однообразный видъ солончаковъ нѣсколько нарушается маленькими озерами, разбросанными то тамъ, то сямъ; вода этихъ озеръ имѣетъ горько-соленый вкусъ.

Въ жаркихъ и сухихъ странахъ, какъ, въ Средней Азіи, Аравіи и Тибетѣ, возникаютъ цѣлыя сухія соляныя степи; поверхность такихъ степей на большое пространство покрыта бываетъ, какъ снѣгомъ, крупинками твердой соли. Часто въ солончакахъ встрѣчаются самосадочныя

озера; въ этихъ озерахъ, во время лѣтнихъ жаровъ, соль отлагается на дно твердою массою.

Близъ Каспійскаго моря, на далекомъ пространствѣ земля покрыта солончаками со множествомъ маленькихъ и большихъ самосадочныхъ озеръ. Самое богатѣйшее самосадочное озеро — Эльтонское (Алтинъ-Норъ), въ Астраханской губерніи. Площадь озера равна 20,000 десятинамъ, и на всемъ этомъ громадномъ пространствѣ дно озера покрыто самосадочною солью; вода озера чрезвычайно солонна и стоитъ на небольшой глубинѣ, всего на 1 аршинъ.

Добыча соли на Эльтонскомъ озерѣ производится слѣдующимъ образомъ: рано утромъ рабочіе въ большомъ дощанникѣ (плоскія лодки) выѣзжаютъ на озеро. Въ назначенномъ мѣстѣ рабочіе слѣзаютъ въ воду и, стоя по колѣно въ водѣ, лопатами выгребаютъ со дна соль, накладываютъ дощанникъ и везутъ на берегъ. На пристани, соль складывается на наклонной насыпи, чтобы стекъ съ нее соляной растворъ, а затѣмъ соль складывается въ громадные бугры. Сложенный бугоръ обливаютъ соленою водою; вода испаряется и весь бугоръ покрывается сплошнымъ солянымъ слоемъ, который и предохраняетъ соль отъ дождя. Обыкновенно черезъ годъ бугоръ разбиваютъ и соль отправляютъ большими караванами до Волги, а затѣмъ, водяными путями развозится по всей Россіи.

Запасы Эльтонскаго озера столь велики, что вотъ уже соль разрабатывается съ 1755 года и убыли въ ней незамѣтно. Да такъ оно и должно быть; каждое лѣто, во время сильныхъ жаровъ вода озера частью испаряется и изъ нее садится на дно новое количество соли, а весенними водами, сбѣгающими съ солончаковой почвы въ озеро, приносятся новые запасы соли. И такъ происходитъ изъ года въ годъ.

Кромѣ Эльтонскаго, въ Каспійскихъ солончакахъ есть еще два знаменитыя самосадочныя озера: Баскунчакское — въ 16 верстъ длины и Батырбекское въ 25 вер. окружности и до 700 маленькихъ озеръ.

На югѣ Россіи, близъ Сиваша и Азовскаго моря, большая площадь земли покрыта солончаковыми озерами. Вода этихъ озеръ перепускается въ мелкіе бассейны, гдѣ она лѣтомъ испаряется, а соль осѣдаетъ на дно.

Жизнь человѣка расходуетъ много соли. Кромѣ пищи большое количество ея расходуется еще на другія нужды.

Такъ, сельскіе хозяева всегда прибавляютъ соль къ корму лошадей, коровъ, быковъ и овецъ, что улучшаетъ самый кормъ, если онъ попорченъ сыростью, и предохраняетъ скотъ отъ разныхъ болѣзней. Скотъ, выкормленный присоленнымъ кормомъ, бываетъ жирнѣе и здоровѣе.

Овцеводы же обязательно раза два въ день даютъ овцамъ соль, чрезъ что шерсть на нихъ растетъ больше, гуще и скорѣе.

Овцы точно чувствуютъ пользу соли, ужасно любятъ ее; надо видѣть съ какимъ шумомъ, толкая другъ друга, выбѣгаютъ онѣ изъ овчаренъ къ узкимъ корытамъ, въ которыхъ насыпана соль.

Громадное количество соли идетъ на соленіе съѣстныхъ припасовъ; это предохраняетъ ихъ отъ гніенія.

Вода, находящаяся въ свѣжихъ припасахъ, какъ растительныхъ, такъ и животныхъ, при соленіи растворяетъ въ себѣ соль и образуетъ разсолъ, въ этомъ разсолѣ уже не могутъ жить ни грибки, ни плѣсени, ни другіе микроскопическіе зародыши, которые безъ соли на воздухѣ сейчасъ развиваютъ гніеніе и продуктъ пропадаетъ.

Если бы мы сложили свѣжую рыбу въ кадку и не пересыпали бы ее солью, то дня черезъ три рыба начала бы гнить, такъ какъ всѣ микроскопическіе зародыши подъ вліяніемъ воздуха зародились начали бы жить и рыба сгнила бы, но если мы ее пересыплемъ солью, въ образовавшемся разсолѣ, зародыши не могутъ жить, и рыба пролежитъ очень долго не испортившись.

Поваренная соль не маловажную роль играет въ техникѣ. Она идетъ въ большомъ количествѣ на разныя фабрики, гдѣ ею пользуются, какъ уже готовымъ веществомъ, или гдѣ она служитъ матеріаломъ, изъ котораго добываютъ другое вещество.

Кому неизвѣстна углекислая сода, продающаяся въ аптекахъ для нашихъ лекарствъ. Мыловаренные, стеклянные, хлопчатобумажные и писчебумажные заводы и фабрики не могутъ обойтись безъ соды или надобно ее чѣмъ инымъ замѣнить. А все громадное количество соды, потребляемое техникой, добывается изъ поваренной соли, сложнымъ процессомъ, прокаливая ее съ сѣрной кислотой, мѣломъ и углемъ.

Въ прежнее время соду готовили изъ золы морскихъ растений, и она обходилась дорого. Какъ только англичанинъ Лебланъ нашель способъ полученія соды изъ поваренной соли, сода сдѣлалась гораздо дешевле, сейчасъ фабрики, потребляемая соду расширили свои работы и предметы приготовляемые ими сдѣлались въ нѣсколько разъ дешевле.

Итакъ, соль важное вещество для человѣка; она, какъ мы видѣли, не только поддерживаетъ здоровье, силу людей, но еще даетъ возможность готовить изъ себя вещества необходимыя для техники, чрезъ что предметы нужные человѣку продаются дешево.

Россія по своимъ мѣсторожденіямъ соли занимаетъ первое мѣсто во всей Европѣ.

Наши естественные запасы соли исчисляются почти до 350 милліоновъ пудовъ, т. е. такимъ количествомъ, которое достаточно для удовлетворенія настоящаго населенія Россіи на 50 тысячъ лѣтъ.

Теперь посмотримъ, какъ мы пользуемся богатствами соли, этимъ необходимымъ веществомъ въ народномъ хозяйствѣ.

Для поддержанія хорошаго питанія человѣка, должно

быть принято въ годъ 28 фунтовъ, въ Россіи же добытой соли хватаетъ лишь по 10 фунтовъ на человѣка.

Ясно, что при всѣхъ громаднѣхъ нашихъ соляныхъ богатствахъ, мы терпимъ чувствительный недостатокъ, и этотъ недостатокъ пополняемъ, покупая соль за-границей.

Отчего это не мы посылаемъ за-границу соль, какъ бы слѣдовало по нашимъ богатствамъ, а еще сами покупаемъ?

Это оттого, что разработка нашихъ соляныхъ богатствъ очень не большая, во-первыхъ, потому что, всѣ мѣстороженія лежатъ на окраинѣ Европейской Россіи, среди малочисленнаго населенія, гдѣ пути сообщенія такъ устроены, что доставка соли крайне затруднительна и дорога; во вторыхъ, плата казнѣ за каждый добытый пудъ соли не позволяла продавать соль дешево.

Вслѣдствіе всего этого добыча соли не могла развиваться на столько, чтобы хватало ее съ избыткомъ лишь для Россіи.

Покойнымъ государемъ Александромъ II казенная плата за соль уничтожена, что много будетъ способствовать широкой разработкѣ нашихъ соляныхъ богатствъ и кромѣ того явится возможность бѣдному населенію покупать за тѣ же деньги вмѣсто одного, два пуда соли.

Изъ всего сказаннаго ясно видно, что поваренная соль поддерживаеъ здоровье человѣка, предохраняетъ его отъ разныхъ болѣзней и составляетъ важный матеріалъ въ техникѣ.

Мы въ сущности не замѣчаемъ такой громадной пользы соли потому, что съ самыхъ раннихъ лѣтъ къ ней привыкаемъ и не остаемся безъ нее ни одного дня; но кому пришлось испытать отсутствіе ея, тотъ глубоко пойметъ всю ея пользу.

Н. Кувшинниковъ.

СРЕДИ ПРИРОДЫ И ЛЮДЕЙ.

(Посвящается Наташѣ и Зинѣ Дьяконовымъ).

(ОКОНЧАНИЕ).

ВОЗВРАЩЕНІЕ наше въ городъ на пароходѣ было очень веселое, не смотря на качку, когда мы пересѣкали бассейнъ. Такъ какъ у меня оставался свободный часъ до обѣда, то я и зашелъ осмотрѣть, находившійся недалеко отъ пристани, аквариумъ, очень интересный. Въ верхнемъ этажѣ зданія помѣщались всевозможные рыболовные снаряды и богатый отдѣлъ всѣхъ раковинъ Аркашонскаго бассейна. Въ нижнемъ — цѣлый рядъ отдѣленій, имѣющихъ видъ большаго, глубокаго ящика, устланнаго пескомъ, камнями и раковинами, и наполненнаго морской водой, куда насажены разныя животно-растенія, рыбы, раки и пр. Особеннымъ притокомъ сверху вода эта постоянно возобновляется; сверху же бьетъ свѣтъ ярко освѣщая внутренность ящика, отдѣленнаго отъ зрителей толстымъ стекломъ. Кромѣ этихъ закрытыхъ отдѣленій, на дворикѣ зданія находились большіе открытые бассейны, то же съ разными морскими жителями, и въ одномъ изъ нихъ плавали акулы довольно большихъ размѣровъ.

— Акулы—это рыбы? спросилъ Юрій.

— Большія-пребольшія рыбы и такія злющія! подхватилъ Володя.

— И то и другое правда! подтвердилъ отецъ: и рыба и презлющая и страшно прожорливая. Какъ при ловлѣ другихъ рыбъ думаютъ о пользѣ, которую онѣ могутъ доставить, такъ акулы истребляются, чтобы избавить отъ вреда. Онѣ объѣдаются другими меньшими рыбами, бросаясь даже на сѣти, въ которыхъ ихъ ловятъ. Цѣлыми стадами плывутъ сзади корабля, ожидая добычи, проглатывая все, что бы имъ ни бросали и пожираютъ съ такою жадностью, что желудокъ ихъ не успѣваетъ переваривать всю пищу. Въ желудкѣ одной убитой бѣлой акулы нашли половину окорока, кости овецъ, заднюю часть свиньи, голову и переднія ноги бульдога, кусокъ полотна и нѣсколько мѣдныхъ вещей,—все чѣмъ удалось такой обжорѣ попользоваться съ какого-нибудь разбитаго корабля. Ученый Беннеттъ говоритъ, что акула, въ открытомъ морѣ, постоянно плыветъ съ разинутымъ ртомъ, проглатывая все, что ни попадетъ ей на пути.

— Вотъ-то жадная! не утерпѣлъ, чтобы не замѣтить Володя.

— А людей она ѣстъ? спросилъ Юрій съ нѣкоторымъ страхомъ.

— И еще какъ! Ученый Геснеръ рассказываетъ, что въ акулѣ находили цѣлыхъ людей, а близъ Марсея нашли въ ней вооруженнаго человѣка. Человѣкъ, упавшій съ корабля въ жаркомъ поясѣ, да даже въ Средиземномъ морѣ, непременно попадетъ въ желудокъ акулы. Брэмъ рассказываетъ, что во время его пребыванія въ Александріи невозможно было купаться въ морѣ, одна акула унесла подъ-рядъ нѣсколько купавшихся подъ самыми стѣнами города. Въ южной части Краснаго моря одно изъ этихъ чудовищъ выскочило даже на мель, преслѣдуя купающагося, который, замѣтя его, спасался бѣгствомъ.

— А онѣ бываютъ очень большія? спросила Наташа.

— Нѣкоторыя породы акулъ—отвѣтилъ отецъ— достигаютъ до шести и болѣе аршинъ; про одну же породу, называемую акула-людоедъ, рассказываютъ рыбаки, что они

встрѣчали ихъ величиной аршинъ въ 12. Голова у акулы плоская, передняя часть рыла выдается впередъ. Большіе, трехъугольные, острые, по краямъ зазубренные, зубы расположены въ нѣсколько рядовъ въ широкой пасти. Иногда ихъ бываетъ болѣе пяти рядовъ, одинъ за другимъ. Яйца, изъ которыхъ выходятъ ихъ дѣтеныши, величиной болѣе вершка, имѣютъ видъ вздутой четырехъугольной подушечки, одѣтой твердой роговой оболочкой темно-желтаго цвѣта, по угламъ которой какъ бы закрученные ремешки. Такихъ яицъ бываетъ заразъ отъ тридцати до пятидесяти. Дѣтеныши выходятъ изъ нихъ бодрими, но нѣкоторое время должны оставаться подъ покровительствомъ матери, а въ случаѣ опасности спасаются у ней во рту и въ желудкѣ. Не разъ въ желудкѣ пойманной акулы находили живыхъ дѣтенышей, которыхъ она проглотила съ тѣмъ, чтобы опять выпустить на свѣтъ Божій.

— А какъ ихъ, ловятъ? спросилъ Володя.

— Иногда ловятъ и сѣтью,—но лучшее средство крѣпкій крючекъ, прикрѣпленный къ цѣпи. Къ крючку прицѣпляютъ приманкой рыбу или кусокъ сала. Схвативши приманку, акула мечется какъ бѣшеная. На маленькихъ лодкахъ боятся ловить большихъ акулъ, онѣ могутъ ихъ опрокинуть и потопить. Полезная часть акулы—это ея печень, изъ нее выдѣлываютъ ворвань, то есть жирное маслянистое вещество, оно получается тоже изъ печени китовъ, тюленей и другихъ морскихъ животныхъ, и употребляется при выдѣлкѣ мыла, кожи, для конапачиванья кораблей и такъ далѣе. Мясо акулы грубо и даже вредно.

Скажу вамъ нѣсколько словъ о моей поѣздкѣ на лодкѣ на Птичій островъ, названный такъ потому, что тамъ осенью охотятся на разныхъ дикихъ птицъ, преимущественно—утокъ. Островъ этотъ представляетъ очень унылый видъ: ни деревца ни кустика, одна скудная болотистая трава. Кое-гдѣ встрѣчаются ямы, откуда добываютъ торфъ, нѣсколько домиковъ рыбаковъ и охотниковъ, да набѣгаетъ на низкій берегъ

ворчливый валъ и уходитъ назадъ съ тихимъ ропотомъ. Прибавлю къ этому прогулку по зимнему городу, съ его душистыми соснами, со стволами сплошь обвитыми плющемъ, — въ тѣни которыхъ раскинуты прелестные домики, окруженные садиками полными самой разнообразной южной растительности, огромными бѣлыми шапками цвѣтовъ юкки, гигантскими панданусами, алоями и музами. А чтобы покончить съ Аркашономъ, расскажу о его обширныхъ устричныхъ заводахъ, или паркахъ.

Устрица принадлежитъ къ отдѣлу мягкотѣлыхъ или слизняковъ. Тѣло у нее мягко-слизисто, одѣто кожистымъ мѣшкомъ, называемымъ епанчей. Эта епанча отдѣляетъ отъ своей наружной поверхности мелкія частицы извести, которая, мало по малу, образуетъ около тѣла устрицы твердый, каменистый покровъ или раковину. По мѣрѣ того, какъ растетъ животное, растетъ и его раковина. У устрицы эта раковина бываетъ двустворчатая, т. е. имѣетъ двѣ створки или крышечки, которыя могутъ только закрываться. Разсматривая тѣло устрицы, вы напрасно стали бы искать у нея головы. Она принадлежитъ къ скрытоголовымъ, но найдете въ одной части ея тѣла отверстіе рта, отъ котораго идетъ пищеводъ расширяющійся въ желудокъ.

— Внутренняя поверхность епанчи и пространство около рта покрыто движущимися рѣсничками, или волосками, которые захватываютъ пищу и несутъ ее ко рту. Но такъ какъ устрица не можетъ свободно двигаться, отыскивая себѣ добычу, а стоитъ на одномъ мѣстѣ прилѣпившись поверхностью раковины къ камню, скалѣ, столбу, то и должна до вольствоваться тѣмъ, что приносить ей море. Къ счастію морская вода такъ богата всевозможными микроскопическими созданіями, что всегда приносить имъ много пищи. Устрицы, положивъ яйца, берегутъ ихъ въ складкахъ своей епанчи; а когда они разовьются, выходятъ изъ раковины тысячами и уносятся теченіемъ и волнами, пока найдутъ какое нибудь твердое тѣло, къ которому могутъ прилѣпиться. Въ теченіи

лѣта одна устрица можетъ произвести на свѣтъ отъ одного до двухъ милліоновъ дѣтей, онѣ большею частію погибають во время ихъ странствія по морю. Устрицы и въ зрѣломъ возрастѣ имѣють много враговъ. Не считая уже человѣка, который ловить ихъ во множествѣ: многочисленныя рыбы глотають молодыхъ устриць; раки ждутъ момента, когда устрица растворитъ свои створки, чтобы полакомиться; морскія звѣзды умѣють ихъ высасывать; многія улитки просверливають хоботкомъ дырки въ створкахъ и овладѣвають своей добычей и пр.

И вотъ, для сохраненія погибающаго въ морѣ молодаго поколѣнія устриць, и для ихъ выкармливанія, стали устраивать устричныя садки или парки. Однимъ изъ наиболѣе удобныхъ мѣстъ для такихъ парковъ это у береговъ Франціи Аркашонскій бассейнъ. Берегъ его обнажается весь при отливѣ и представляетъ самыя лучшія отмели, что необходимо для устрицы, требующей равномѣрнаго притока то воды, то воздуха, и не любящей глубокихъ мѣстъ. Первое искусственное разведеніе устриць во Франціи ввелъ ирландецъ Вальтонъ, въ 1235 году. Потерпѣвъ крушеніе въ Эгильонскомъ заливѣ, онъ поддерживалъ свою жизнь на пустынныхъ берегахъ ловлею водяныхъ птицъ. Замѣтивши, что раковины, утвердившіяся на столбахъ, къ которымъ онъ привязывалъ свои сѣти надъ болотомъ, были больше и лучше живущихъ въ тинѣ отмелей, онъ основалъ первый устричный садокъ изъ столбовъ и переплетенныхъ прутьевъ. Этотъ способъ остался неизмѣннымъ. Таковы садки и Аркашонскаго бассейна, это хорошо загороженныя отдѣленія, насаженныя устрицами, готовыми класть яйца. Устрицы начинаютъ класть яйца—отъ іюня до сентября—тогда въ садки опускають фашины, нестроганныя доски, кирпичи, къ которымъ бы могли прицѣпиться молодыя устрицы, какъ только онѣ выйдутъ изъ-подъ родительской епанчи. Годъ спустя, когда молодыя устрицы, облѣпившія плотно всѣ предметы, достигнутъ величины двугривеннаго, ихъ отламываютъ и помѣщаютъ въ

другія отдѣленія для откармливанія. Наблюденіе за ними требуетъ большаго ухода. Ихъ пересаживаютъ изъ одного отдѣленія въ другое, очищаютъ опорожненное; ослабляютъ связки, мѣшающія открыванію и закрыванію створокъ; кладутъ ихъ отдѣльно одна отъ другой, чтобы онѣ могли свободно двигаться и легче дышать и пр.

Въ торговлѣ различаютъ три сорта устриць:

1) Тѣ, которыя отдираются на болѣе глубокихъ отмеляхъ желѣзными лопатами и захватываются въ проволочные мѣшки. Это самыя большія, но и самыя дешевыя.

2) Тѣ, которыхъ собираютъ на возвышенныхъ отмеляхъ, ближе къ берегу и потому подвергающихся ежедневному приливу и отливу; и 3) которыя воспитываются въ садкахъ или паркахъ. Черезъ два или три года воспитанія онѣ считаются готовыми къ употребленію въ пищу.

Я возвратился въ свой отель уже къ вечеру. Солнце только что сѣло. Море стояло на приливѣ и чуть-чуть плескало въ берегъ, тихое и спокойное, будто засыпавшее дитя. Смотря на него, мягко освѣщеннаго золотистымъ отсвѣтомъ заката, я вспомнилъ песчаныя степи на пути отъ Бордо къ Аркашону; эти безграничныя сливавшіяся съ горизонтомъ мягкія волны песку, засланнаго высокими кустами вереска и мутно-зеленой травы, межъ которой бродили стада овецъ и козъ. Иногда попадался мальчикъ-пастухъ, высоко поднявшись надъ степью на своихъ деревянныхъ ходуляхъ, позволяющихъ ему съ разу обозрѣвать большое пространство, по которому ходитъ ввѣренное ему стадо. Какъ къ собственнымъ ногамъ привыкъ онъ къ этимъ ходулямъ и не только можетъ на нихъ бѣгать, но даже съ ними танцовать. А то остановится и окинувъ глазами степь, по которой въ кустахъ бродитъ стадо, примется вязать чулки изъ козьей шерсти, мурлыкая пѣсенку или мечтая о родительскомъ домѣ, съ которымъ онъ разлученъ на лѣтнее время, проводя и ночи съ другими пастухами въ походныхъ шалашахъ степи.

Ну, теперь, покончивши съ Аркашономъ, займемся до чаю гимнастикой,—сказаль отецъ, и все шумно поднялись съ мѣсть своихъ.

С. Лаврентьева.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 января 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.